

**АЛЕКСАНДР
ЗОРИЧ**

**НИЧЕГО
СВЯТОГО**

ЗВЕЗДНЫЙ

ЛАБИРИНТ

Александр Зорич
Топоры и Лотосы
Серия «Сборник «Ничего
святого»», книга 1

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133869
Ничего святого: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва; 2006
ISBN 5-17-039578-7, 5-9713-3376-3, 5-9762-1144-5

Содержание

1	4
2	23
3	35
Конец ознакомительного фрагмента.	46

1

Большой художник работает крупными мазками

Космический пейзаж на экранах был убогим, как личное дело интенданта Луны.

Патрульный крейсер «Симитэр» степенно швартовался ко второму ярусу башни регламентного обслуживания. Башня была прозвана репортерами НС-новостей «Пятым Интернационалом» за характерную конструкцию, на практике воплотившую фантазию старинного русского футуриста Татлина.

Гигантский мобил-док «Бетховен» вчера завершил ремонт повреждений, полученных во время рейда тойлангов на нашу передовую базу в секторе Свинцового Солнца. Полчаса назад «Бетховен» завершил расстыковку с «Пятым Интернационалом» и теперь медленно отползал прочь от Паллады, готовясь к выходу на джамп-траекторию.

Три легких корвета класса «Фламинго» болтались на высокой орбите Паллады с выключенными маршевыми двигателями. Они дожидались, когда неповоротливый «Бетховен» завершит свой скучный маневр.

Капитаны корветов имели приказ взять мобил-док под свою опеку и сопровождать его в район Сандеи, где концентрировались главные силы нашего флота.

Мобил-док должен был сменить отработавшие двигатели на двух крейсерах 5-й бригады линейных сил, а затем, под прикрытием кочующих крепостей Сандеи, служить передовой базой снабжения и госпиталем на 2000 капсул для личного состава флота и десанта. Предыдущий госпиталь, спецтранспорт «Парацельс», был уничтожен диверсионной группой тойлангов две недели назад вместе со всеми пациентами, персоналом и неконвенциональным складом боеготовых торпед.

Корветы, мобил-док, «Симитэр» и четыре смешанные батареи противокосмической обороны – вот все, чем располагали мы в секторе Паллады.

Больше и не требовалось. Война велась по всей галактике, но никогда не подходила к Солнечной системе ближе, чем на пять парсеков.

Мы вели войну уверенно и неторопливо. Враг номер один отступал к своей метрополии, системе Франгарн. Казалось, еще один натиск – и тойланги примут наши условия капитуляции, которые отбросят их в век парусных флотов, двуручных мечей и вялотекущих экспериментов с природным электричеством.

Служба офицера бортбезопасности чем-то сродни любительскому огородничеству. Баклажаны на грядках поливает автоматика, а ты лежишь в гамаке и дуреешь от безделья. Хочешь почувствовать себя героем? Берешь в руки лейку, трудишься полчаса, а потом... потом снова гамак и единение

с внутренним «я».

Ладно еще присматривать за порядком на настоящем боевом гиганте – дредноуте или кочующей крепости. Там большая команда, много молодежи, там иногда хулиганят у стойки бара и бортбезопасность получает шансы раз в неделю поиграть мускулами, растаскивая буянов. Опять же: дредноуты все-таки бывают в деле. На борту бушуют пожары, под взорванным реактором от жара лопается бронепалуба и... да-да, есть упоение в бою!

В службе на «Бетховене» упоения не было и быть не могло. Живого отклика в моей душе не встречал и тот факт, что мои полномочия равнялись капитанским. И даже в чем-то их превосходили.

Полномочия... привилегии... статус...

Майор моего возраста – слезоточивый анекдот. Я же накануне перевода на должность начальника бортовой безопасности «Бетховена» получил знаки различия старшего лейтенанта. Ох, плохо быть королем сапожников...

В число моих привилегий на «Бетховене» входили: каюта с иллюминатором и живым фикусом; персональное кресло на ходовом мостике; право потребления новостей в любое время дня и ночи.

Пока наш док выходил на джамп-траекторию, я как раз и намеревался реализовать это право – под косыми взглядами капитана, навигатора и трех помощников, которые в отличие от меня занимались на ходовом мостике какой ни есть рабо-

той, а не сосредоточенным убийством времени.

Я достал инъектор и коробочку с новостными пилюлями. Непотребленных новостей было полно: война, спорт, война, политика, война, экономика, война, спорт, война, наука, война, война, война.

Неудивительно, что красно-желтых пилюль у меня скопилось так много: жестокая цензура Бюро-9 превращала военные новости в очень своеобразный продукт. Потреблять его было непросто.

Типовой сюжет: интервью с бойцами элитных подразделений (обычно – берсальерами) на фоне поверженной неприятельской техники.

Типовой тон репортера: озабоченный, вдумчивый, заискивающий.

Типовое настроение элиты: яростно-воодушевленное. Глаза горят демоническим огнем.

На вопросы про жизнь – ответы в духе «На линии огня нет командиров и подчиненных, мы все одна семья». На вопросы по существу – «Мы получили приказ работать цель... Мы работали цель... Отработали цель... Потери?... На войне как на войне!»

Правда, насчет «работать цели» – это пилоты. Элитная пехота в интервью всегда говорит «выброска»: «попрыгали на выброску», «сходили в выброску», «пришли из выброски».

В конце сюжета – дежурное: «Ну что, ребята, следующее интервью уже на Эрруаке?»

В ответ – нечленораздельное, но одобрительное мычание.

Последний, художественный, так сказать, штрих репортажа: спины солдат, уходящих в ядовитый инопланетный туман.

Вот так. Поэтому военные новости я потреблял нерегулярно. И вовсе от них отказался бы, если б не безотрадное безделье на «Бетховене».

Я метил в пилюлю «наука», но так уж получилось, что мой ноготь подцепил одну из красно-желтых с войной. Значит, судьба.

Вздыхнув, зарядил ее в инъектор. Полюбовался, как пилюля стремительно превращается в бесцветную жидкость. И, уперев жерло инъектора в шею, нажал на спуск.

Примерно минуту молекулярные агрегаты с записью новостей добирались до моих нейронных цепей и подготавливали весь биохимизм, необходимый для временной подмены реальной входной информации на суррогатную. Наконец гипервирусы уюстились на моих нейронах как следует, обменялись сигнальными рибонуклеидами, синхронизировались – и понеслось!

Перед глазами вспыхнул логотип НС-новостей. После призывных фанфар и сублоготипа «Война за право быть» пошла реклама.

«Помоги флоту – купи Колизей».

«Часы Occident считают наносекунды до победы».

«Вечный двигатель невозможен! Настанет время и для „Энджин“.

(Титр сладострастного рекламного сплэша: парочка три полных минуты психовремени занимается любовью в нарочито монотонном ритме, и когда потребителю уже начинает казаться, что его будут мучить вечно, мачо и мучача откидываются на смятые простыни и радостно хватаются за сигареты «Энджин».)

Реклама окончилась. Вокруг меня сгустились светло-желтые стены и мягкая мебель кают-компаний какого-то военного звездолета. Разумеется, нашего. За одним из столов, над дымящейся чашкой чая сидел популярный репортер Клим Бершов. Его умные, чуть озабоченные глаза смотрели мне точно в переносицу.

Я сидел напротив Бершова в удобном неглубоком кресле. Передо мной на столе стояли два стакана и две чашки. Вода, апельсиновый сок, чай, кофе.

Я выбрал чай.

За что все любят новости в пилюлях? Вкус напитков прорабатывают на совесть. Есть кофеманы, которые по десять раз на дню новостями колются только ради условно бесплатных вкусовых ощущений – сами-то пилюли удовольствие недешевое.

Стоило мне отхлебнуть чаю, как Бершов заговорил:

– Мы с вами находимся на борту транспорта «Кавур». Здесь расположен штаб одного из десантных соединений, ко-

торому послезавтра предстоит атаковать Эрруак – последний оплот врага. На «Кавур» только что прибыл командующий передовым эшелоном высадки, контр-адмирал Алонсо ар Овьедо де Мицар.

«Куда смотрит Бюро-9?!»

Если б хитрый химизм пилюль не давил все негативные психосоматические реакции потребителя в зародыше, я обязательно поперхнулся бы чаем. Клим Бершов только что разгласил дуплетом две тайны: название штабного корабля и имя одной из ключевых персон Оперативной Ставки Флота!

– Адмирал любезно согласился уделить нашему каналу несколько минут, – продолжал Бершов, – и раскрыть некоторые секреты нашей несокрушимой обороны, давно занимавшие умы миллиардов людей во всей галактике. Да и среди тойлангов, – репортер тонко улыбнулся, – найдется немало любопытствующих, готовых распрощаться с половиной своих плавников, только бы узнать побольше о таинственном «Поясе Аваллона», о котором раньше можно было говорить лишь намеками...

Легок на помине, вошел Алонсо. Ответив на приветствие Бершова резким кивком, он занял свободное кресло.

– Господин адмирал, не хочу злоупотреблять вашим временем и терпением нашего гостя, – репортер кивнул в мою сторону, – а потому сразу задам самый острый вопрос: почему тойланги ни разу не пытались атаковать непосредственно Землю и другие планеты Солнечной системы? Ведь подпро-

странство позволяет флоту любой численности подобраться к Земле вплотную. А дредноутам врага достаточно нескольких минут, чтобы уничтожить на нашей родной планете все живое!

Я знал Алонсо лично и по его недовольным гримаскам сразу понял, что нашего рыцаря высокой оперативно-штабной культуры раздражает каждое второе слово *штатской обезьяны*. И обращение «адмирал» (к контр-адмиралу!), и безграмотное «подпространство», и газетный штамп «уничтожить все живое».

Впрочем, Алонсо давал это интервью по высочайшему приказу главкома, то есть был вынужден воспринимать его как боевое задание. Поэтому он справился с раздражением и довольно дружелюбным, чуть снисходительным тоном объяснил:

– Все дело в блок-крепостях, расположенных на поверхности четырехмерной сферы в пространстве Аль-Фараби или, как вы выражаетесь, в подпространстве. Все нелинейные подходы к Солнечной системе, все Ячейки, Ребра и Лопasti Аль-Фараби контролируются этими сооружениями. Любое возмущение в нелинейных структурах заблаговременно обнаруживается автоматикой блок-крепостей. А интерференц-генераторы крепостей вырабатывают пучок встречных, противофазных возмущений...

Контр-адмирал выдавал военные тайны пачками. Я уже ничему не удивлялся и слушал Алонсо вполуха. Я-то по дол-

гу своей бывлой службы в силовой и общей разведке примерно представлял себе, как устроена наша нелинейная космическая оборона. Но неужели в благоприятном для нас исходе всегалактической бойни не осталось ни малейших сомнений? И накануне штурма Эрруака было решено выставить на потребу публике святая святых нашей военной технологии?

– Позволю себе перебить вас, адмирал, и напомнить нашему гостю, что любой корабль – например, дредноут тойлангов – представляет собой в подпространстве волну, бегущую по Лопасте Аль-Фараби...

– Не волну, а пучок волн, – поправил Алонсо. – Но упрощенно, конечно, можно говорить о волне. Соответственно интерференц-генераторы крепостей делают так, чтобы летящий в пространстве Аль-Фараби дредноут тойлангов попросту сгинул без следа, уничтоженный аналогичной встречной волной, идущей в противофазе.

– Как просто! Как красиво! – Бершов довольно убедительно симулировал энтузиазм любознательного полужайки при встрече с новым чудом технологии.

– Это не так-то просто. – Контр-адмирал самодовольно ухмыльнулся. – Это, я бы сказал, чертовски сложно. И адски дорого. На каждый запуск интерференц-генератора для уничтожения объекта в нелинейном пространстве уходит примерно столько же энергии, сколько и на изготовление этого же объекта с нуля. Хочешь уничтожить крейсер – затрать те же гигаватты, которые требуются на его постройку.

– С натурфилософской точки зрения, – ввернул Бершов, – это легко понять. Уже Лукрецию было ясно: «из ничего – ничто», то есть законы сохранения энергии и материи...

– Лукреций? В моем штабе нет такого офицера! – рявкнул Алонсо.

Это была допотопная шутка из малого типового набора, который кадровые военные используют, чтобы поднять свой рейтинг в глазах развитых школьников и молодых мичманов.

После секундной паузы репортер и контр-адмирал на пару залились взаимопонимающим смехом.

– А позвольте задать неудобный вопрос? – спросил Бершов, когда оба отсмеялись. При этом репортер заговорщически подмигнул мне – пожалуй, чересчур фривольно.

– Спрашивайте, – со вздохом разрешил Алонсо.

– Эта система нелинейной обороны, которая, насколько я понимаю, и называется «Поясом Аваллона», она... надежна?

Контр-адмирал построжел.

– Ваш Лукреций, случайно, не писал, что абсолютно надежных систем не бывает? Так вот: их не бывает. Вероятность уничтожения целей нашими блок-крепостями – восемьдесят процентов. Это значит, что на учениях бесследно исчезали каждые четыре корабля-мишени из пяти...

Алонсо помолчал немножко, давая психозрителям время осознать эту статистику, и продолжил:

– Но какой адмирал, хоть землянин, хоть тойланг, отва-

жится атаковать, когда знает, что еще до выхода из пространства Аль-Фараби, то есть до начала линейного сражения, он потеряет восемьдесят кораблей из ста? Кто согласится дать противнику такую фору? А ведь в Солнечной системе уцелевшие корабли будут встречены сорока пятью вымпелами Флота Метрополии! К этому следует добавить, что блок-крепости работают и как посты дальнего обнаружения. На расстоянии в несколько часов реального хода корабль засекается по вторичным возмущениям на Ребрах Аль-Фараби. Информация мгновенно передается в штаб и сразу же доводится до всех флотов, разбросанных по галактике. На случай массового вторжения предусмотрена тревога «Красный Смерч», по которой производится экстренный отзыв сотен боевых кораблей в Метрополию.

– Как я понимаю, «Красный Смерч» не объявлялся ни разу?

– Не объявлялся. А жаль – тойланги остались бы без всего флота и война была бы выиграна в один день. Но они не настолько глупы... Вот «Белый Смерч», то есть попытки одиночного проникновения вражеских разведчиков, случался трижды. И все три раза разведывательные рейдеры тойлангов бесследно растворялись в нелинейном пространстве, уничтоженные блок-крепостями. После этого тойланги перестали появляться в окрестностях Метрополии. Тойланги выяснили границы нашего могущества и больше рисковать не решаются.

– Тем более что в последнее время им все больше приходится думать об обороне собственной планеты, верно?

– Именно так. А теперь – не обессудьте, мое время вышло. Я должен вернуться к своим прямым обязанностям: рисованию больших красных стрелок на штабных картах.

Бершов вежливо улыбнулся.

– Так что, адмирал, следующее интервью будет уже на Эрруаке?

– Следующее интервью будет на Земле. Правительство напомнило Ставке, что главная задача боевого планирования высадки – сбережение жизней наших солдат. Если сохранность биосферы и физическая целостность Эрруака войдут в противоречие с минимизацией наших потерь...

Тут наконец проявились следы деятельности цензуры, о которой я уже и думать забыл. Контр-адмирал заткнулся на полуслове, стены кают-компаний исчезли и после второй порции рекламы моя высшая нервная деятельность вернулась в накатанное русло.

* * *

Я вновь обнаружил себя на ходовом мостике «Бетховена». Согласно часам, я пребывал в бессознательном состоянии двадцать семь секунд.

Норма. Обычная секунда равна примерно минуте психовремени, которое является мерой информационного обмена

в наведенных новостных галлюцинациях. Это, кстати, в прошлом веке считалось главным аргументом в пользу перехода на новостные пилули: экономия времени в пятьдесят и более раз!

Ясно, что за полминуты в большом мире мало что изменилось. «Бетховен» от Паллады отползал, «Симитэр» к ней подползал...

Все произошло быстро.

«Пояс Аваллона» был одновременно прорван в трех секторах.

Р-раз! —

вокруг Паллады с интервалом в пару секунд одна за другой вспыхнули сорок звездочек;

операторы батарей ПКО в полнейшем непонимании констатировали, что визуально наблюдаемые звездочки по данным радаров и грависканеров являются боевыми кораблями первого класса;

ответ на запрос «свой-чужой» — отрицательный;

«Боевая тревога! „Красный Смерч“! Нет, Семь Бездн Аль-Фараби под вашей задницей, повторяю: *боевая тревога!!!*»

Два! —

плотные клинья торпедных стай, паника, вспышки квантовых установок ближней обороны;

огонь, океаны лилового и оранжевого пламени, красный смерч, грохот захлопывающихся дверей;

компьютеры опережают наводчиков, хриплое «ур-ра» —

это рассыпался на молекулы первый крейсер тойлангов, вслед за ним исчезают в громоздящихся разрывах торпед еще три;

на входе в боевой пост кто-то орет не своим голосом — автоматическая переборка перебила бедолаге голень.

Три! —

тойлангов все больше;

вслед за первой штурмовой волной, составленной из устаревших типов кораблей и предназначенной на заклятие нашей ПКО, из подпространства выходят линейные силы флота — стройные, изящные красавцы, похожие на алмазные сосульки, источенные черными прожилками батарей ближней обороны и закутанные в призрачное дрожание защитных полей;

ясно: тойланги уже выбросили в районе Паллады больше сотни кораблей первого класса;

против них выходят лишь семнадцать вымпелов Флота Метрополии.

Где же остальные?!

— Сир, только что приняты сообщения из сектора Трансплутона и из Пятого Октанта: «Красный Смерч».

— К дьяволу, без них все ясно. Сколько нам еще болтаться на джамп-траектории?

— Три минуты восемнадцать секунд. Но, сир, мы числимся в основных списках флота и считаемся боевой единицей. Мы не имеем права покинуть сферу боя без приказа выше-

стоящего начальника.

Не знаю, что думал по поводу бредней своего старпома капитан Гриффин ап Гриффин, но в этот момент противник атаковал наш несчастный док. Нам очень повезло, что вся мощь удара сосредоточилась на Палладе и кораблях Флота Метрополии, а нам достались лишь несколько торпед. К тому же нас поддержали огнем корветы.

Только две «бешеные торпеды» смогли прорваться через заградительный огонь и лопнули в нескольких километрах от мобил-дока, выбросив тучи мелких реактивных снарядов с кассетными боеголовками. Обычно такие штуки используют для экологичного уничтожения площадных планетарных целей вроде солнечных энергоустановок или антенн дальней связи. В нас их выпустили явно по недосмотру.

Основную массу снарядов приняло наше непомерно раздутое чрево, в котором могли вольготно разместиться четыре корвета или суперкрейсер. Но несколько штук задели и кое-что жизненно важное.

Первоклассная док-камера мгновенно превратилась в решето, заполненное вакуумом, а боевой пост, в котором я вел бесплодное общение со старпомом, – в угольно-черную пещеру, где воцарились безмолвие и безвременье.

Наконец кто-то тихонько рассмеялся. Весьма нервно, замечу.

– Господа, у меня на коленях чья-то рука, – сообщил

незнакомый голос.

Я сообразил, что как-то незаметно переместился из вращающегося кресла на пол. Сотрясение было настолько резким, а болевой шок настолько сильным, что мое сознание, по всей видимости, предпочло несколько секунд пребывать как можно дальше от тела.

– Это моя, правая, – прошипел я, открывая глаза и с трудом переворачиваясь на спину.

Оказалось, что угольно-черной пещерой боевой пост являлся только по моему мнению.

Света стало меньше, но кое-что еще работало, пара экранов светилась, а широкое панорамное окно видеонаблюдения продолжало мерцать в такт биениям неравного боя. Весь пост, от пола до потолка, был заляпан кровью. Рядом со мной лежал старший помощник, превратившийся в рубленую котлету. Я отвернулся.

– Поздравляю. Остальным, по-моему, повезло меньше.

Только теперь я заметил, что повсюду – в креслах, потолочных панелях, в консолях с аппаратурой – едва заметно подрагивают радужные диски. Настолько тонкие, что некоторые невозможно разглядеть, не изменив угла зрения.

– Здесь их тысячи, – словно бы угадав мои мысли, прокомментировал все тот же голос.

Я поднялся на ноги, что без правой руки оказалось не так уж и просто. Но ни боли, ни крови не было.

Кроме меня и незнакомого офицера в форме капитана

берсальеров, ни одной живой души на боевом посту мобил-дока «Бетховен» не осталось.

Офицер сидел на полу у входа в боевой пост. За его спиной щерилась длинными сколами развороченная взрывом переборка. Правее горбатилось то небольшое, что осталось от капитана Гриффина ап Гриффина.

– Кто вы? – спросил я, неловко вытаскивая уцелевшей рукой пистолет из кобуры на правом боку.

Ничего не могу с собой поделатъ – как и любой офицер бортовой безопасности корабля, я терпеть не могу появления чужаков на ходовом мостике.

А этот человек был чужаком. По данным на конец истекших суток, среди экипажа и пассажиров не было ни одного капитана. И ни одного берсальера.

Мир вокруг летел в тартарары. Но я был вынужден исполнять свой долг. Даже осознавая, что «Бетховен» через минуту превратится в облако холодной пыли.

Берсальер посмотрел на мои нашивки (благо, они находились у него на коленях вместе с моей рукой), потом перевел взгляд на меня, потом понимающе усмехнулся.

– Меня зовут Джакомо Галеацци. Я был в отпуске на Земле. Прибыл на Палладу вчера на борту корвета «Серый фламинго». Добился назначения на «Бетховен» за полчаса до вашего отлета. Я очень боялся опоздать в свою роту. Вы ведь знаете, готовится вторжение... Точнее, готовилось...

– Номер вашей части, – потребовал я.

– Меня вносили в вашу базу данных.

Теоретически это было возможно. В последнюю смену в шлюзе «Бетховена» дежурил мой помощник, лейтенант Вяземский.

– Номер вашей части, – повторил я громче.

– Только что назначен командиром Семнадцатой Отдельной роты берсальеров, борт приписки – быстроходный десантный транспорт «Кавур». Можете проверить, я недавно переведен из другой части, постоянно дислоцированной в Метрополии. У меня блестящий послужной список. Не такой, как у вас, конечно, но...

Джакомо снова усмехнулся. Ох уж мне эти ухмылочки! Конечно, посмотрев на срез моей руки, любой осведомленный вояка поймет, что я – активант. И все-таки противно...

Я вяло махнул пистолетом – дескать, какая теперь разница? Такой послужной список, сякой...

– Вы что-нибудь понимаете в этом барахле? – Я обвел широким жестом полумертвый боевой пост.

– А что тут понимать? Вон те здоровенные часы отсчитывают время до входа в подпространство. Мы ведь выведены автоматикой на джамп-траекторию... Если автоматика работает, через минуту нас вынесет из этого пекла к чертям собачьим. А если нет – прощайте. Приятно было познакомиться, хоть вы и не представились.

– Искандер Эффендишах.

– А я думал, вы тоже итальянец...

– Нет. Я родился в Ширазе.

Четыре! —

Паллада чудовищно разбухла, увеличившись почти в полтора раза, потом озарилась изнутри малиновыми сполохами и, разбежавшись частой сетью ослепительных прожилок, превратилась в огромный пузырь свежей магмы.

Почти сразу вслед за этим я почувствовал, как тело мое теряет вес, а сознание — четкость.

Привет вам, Семь Бездн Аль-Фараби.

2

Нет такой боли, которую нельзя вытерпеть

Автоматика имеет одну приятную особенность: иногда она все-таки срабатывает.

Мириады бесплотных шумов, триллионы энергетических всплесков, нескончаемые шеренги разновысоких зубчиков на кардиограмме Вселенной промчались по Ребрам Аль-Фараби и в районе Сандеи вновь собрались в овеществленное нечто, в мобил-док «Бетховен».

Когда мы вышли из подпространства, я вздохнул с облегчением.

Джакомо улыбнулся.

– Здравствуйте еще раз. О этот новый сияющий мир!

Я попытался улыбнуться в ответ. Получилось неубедительно. Неожиданно для самого себя я признался:

– Честно говоря, в последний момент перед прыжком у меня возникло пренеприятное предположение: если тойланги смогли прорваться через пояс блок-крепостей, не означает ли это, что их знание о структуре Ребер Аль-Фараби качественно превосходит наше? И теперь они в состоянии уничтожить корабль землян в любой точке подпространства?

– Ерунда. Имей тойланги подобную технологию, они уни-

чтожили бы корабли Флота Метрополии во время их прыжка от Солнца к Палладе. Но я своими глазами видел наши дредноуты, принявшие бой с тойлангами.

– Вы быстро соображаете, Джакомо.

– В пространстве Аль-Фараби все происходит быстро.

Я снова попытался улыбнуться. На этот раз попытка удалась.

Мы оба сидели на полу, в десяти шагах друг от друга. Боевой пост чудом сохранил герметизацию – очевидно, нас спас самозатягивающийся подбой внешней обшивки. Надо было что-то решать.

Впрочем, лишний раз напрягать серое вещество, оскудевшее от переизбытка впечатлений, не пришлось. За нас все решила штурмовая партия тойлангов.

Необычайно быстрым, но плавным движением Джакомо бережно отложил в сторону мою несчастную правую руку, одновременно с этим извлек из набедренной кобуры берсальерский «Гоч» и, грациозно обернувшись на сто восемьдесят градусов, взял под прицел коридор, который отлично просматривался сквозь звездообразную пробоину в переборке.

Мне лишних объяснений не потребовалось. Если берсальер извлекает из кобуры оружие – значит, что-то неладно в Датском королевстве.

В следующую секунду Джакомо открыл огонь – рассеянный, на предельной мощности, в общем, совершенно мяс-

ницкий. Тоже мне, снайпер... Теперь «Гочем» можно еще полчаса орехи колоть, пока пушка не перезарядится.

И все-таки хорошо, что Джакомо выстрелил первым. Самокорректирующиеся нити плазмы прочистили коридор на четыре поворота вперед. Если там были вирусы гриппа – нет больше вирусов гриппа. Если были тойланги – нет больше тойлангов. Но это не значит, что их не осталось вовсе.

Если берсальеры славны своей сверхчувствительностью, то мы, активанты, – наглостью.

– Вперед! – гаркнул я, подскакивая к Джакомо.

Свою оторванную правую руку я подобрал на бегу и кое-как запихал отчужденную конечность за пояс. Детям до 23 в просмотре отказано.

Капитан не стал спорить. Он вернул «Гоч» кобуре и вытащил из нагрудного кармана семизарядный LAIW.¹ Плоская коробочка формата портсигара послушно распустилась в его ладони, превратившись в нечто среднее между эллинской пастушьей флейтой и моделью вертолета от Леонардо да Винчи.

Мы продрались через сколы бронепластика, выбежали в коридор и, миновав легкой трусцой два поворота, вжались в стерилизованные плазмой стены. Дальше по коридору потрескивали, остывая, останки трех тойлангов в штурмовых скафандрах. Один из них был вооружен аналогом «Гоча». Если бы он выстрелил первым...

¹ Licht Anti-Infantry Waffe. Легкое Противопехотное Оружие (*универс. язык.*).

Да, точно, они хотели взять «Бетховен» на абордаж. И не по глупости, а по расчету обстреляли док «бешеными торпедами». Истребить живую силу с минимальным ущербом для оборудования, а после этого захватить корабль одним взводом – удачная тактическая импровизация.

Иначе как импровизацией этот бред объяснить невозможно. Зачем, собственно, тойлангам какой-то паршивый док, если сейчас их торпеды уже гвоздят по Земле?

При мысли об этом мне стало очень, очень грустно. Для сотен миллионов землян Апокалипсис уже вершится. А я мечусь в недрах бесполезной жестянки и не то спасаю свою жизнь (для кого?), не то защищаю имущество флота от тойлангов (во имя чего?).

LAIW в руке Джакомо в отличие от меня не рассуждал, а действовал. Оружие выпустило фантомный бот.

Внешне это выглядело так: та часть пистолета, которая придавала ему сходство с вертолетом Леонардо да Винчи, беззвучно продублировалась. Вперед по коридору, прижимаясь к потолку, шустро устремилось эфемерное полупрозрачное образование – наш разведчик и поводырь.

Через несколько секунд Джакомо молча показал мне четыре пальца. Это означало, что фантомный бот разведал еще четырех тойлангов и передал эту информацию на LAIW, а пистолет, в свою очередь, телепатически оповестил Джакомо.

Нет, все-таки хорошо, что я не пошел в берсальеры. Про-

сто замечательно. Потому что прежде чем Джакомо успел приказать пистолету уничтожить обнаруженные цели, невидимая, но необоримая сила швырнула его на пол.

Берсальер завыл, пытаясь сбросить с руки LAIW, который теперь, очевидно, представлялся ему куском раскаленного железа. Не тут-то было. Канал телепатической связи был заблокирован, оружие перестало слушаться хозяина и продолжало держаться за его ладонь цепким пауком.

В штурмовой группе тойлангов был кто-то, кому удалось запеленговать пистолет Джакомо и прицельно захлестнуть сознание берсальера телепатическим бичом. Помочь Джакомо было нечем. Пройдет еще полторы-две минуты – и он умрет. Перехватить и разорвать невидимую удавку практически невозможно. По крайней мере без второго LAIW. А этого оружия у меня не было, да и управиться с ним я бы не смог: для этого нужно быть берсальером.

Это был конец или почти конец. Я, со своим простецким пистолетом прямого боя (скорее полицейская, нежели боевая модель), без правой руки и без скафандра мог теперь рассчитывать разве что на быструю смерть.

Я мысленно попрощался с Джакомо и бросился вперед.

В спасение я не верил. Тойланги обнаружат меня быстрее, чем я смогу применить свой разнесчастный «Фолькер». Плазма затопит коридор, а когда огню придет время исчезнуть, меня уже не будет.

Сейчас, сейчас, прямо вот в эту секунду блеснет вспышка,

которую я даже не успею заметить, – и всё. И – Вечность.

Череда вспышек. Трескучие хлопки, словно лопаются на сковородке крабы с гарниром из ширазских каштанов.

Я жив.

За поворотом коридора – голос. Человеческий голос, искаженный речевым эмулятором скафандра.

– Есть тут кто живой?!

Если это ловушка тойлангов, значит, я сейчас в нее попадусь. Спрятав «Фолькер» (если что – он мне не поможет), я сделал несколько шагов вперед и оказался под прицелом двух тяжелых пулеметов.

Это были берсальеры Семнадцатой Отдельной роты «Пиза». По крайней мере об этом свидетельствовали нагрудные и наплечные нашивки с молниями, перекрещенными над Пизанской башней. Под сенью молний пламенело алое «17».

Нет больше вашей башни, ребята. Земли нет, и Пизы нет, и башни...

Берсальеры стояли по щиколотку в черных угольках. Надо полагать, это было все, что осталось от тойлангов.

Между мной и берсальерами в полу зияла грандиозная дыра. Сквозь нее была видна техническая палуба, над которой стайкой дымчато-янтарных сомиков зависли катера экстренного проникновения «Таракатус». Это где же нас вынесло, интересно, если десантники успели высадиться на мобил-доке почти мгновенно?..

– ...ничего чудесного. «Бетховен» был запрограммирован на выход в центре ордера моей эскадры – он это и сделал. Док передавал «SOS» в автоматическом режиме, поэтому мы сразу же прощупали вас всеми средствами обнаружения. Впрочем, прилепившийся к вам абордажный катер тойлангов был прекрасно виден и невооруженным глазом. «Кавур» выбросил дежурный взвод берсальеров. В *этом* сражении мы победили, – закончил контр-адмирал Алонсо ар Овьедо де Мицар.

В смысловом ударении на «этом сражении» была легко объяснимая, но, слава богу, пока еще не кощунственная ирония.

Главную новость я узнал сразу же после того, как меня вытащили из медицинского комбайна. Флот Метрополии уничтожен полностью. Единственный вымпел, которому удалось вырваться из Солнечной, – собственно мобил-док «Бетховен». Все батареи ПКО подавлены. Кроме Паллады, мы потеряли Ио, Деймос и Плутон. Военные объекты на Луне и Марсе стерты в порошок. Луна, кстати, треснула.

Но Землю тойланги пощадили. Более того – ими была оставлена в неприкосновенности циклопическая антенна АФ-связи, болтающаяся над Землей на геостационарной орбите.

Во время вторжения тойланги филигранно вырубili залпом нейтронных пушек один усилительный каскад антенны. Из-за этого сигнал «Красный Смерч» не был послан главным

силам флота.

Через полчаса после разгрома Флота Метрополии тойланги захватили орбитальный центр АФ-связи, невесть как отремонтировали усилительный каскад (видать, заранее к этому приготовились) и сами связались с нашими главными силами. Поэтому о величайшей катастрофе в земной истории наш доблестный адмиралитет узнал от какого-то тойлангского задрипанца в чине Натиска Премудрости Живьем Родящего. То есть по-нашему – капитана спецназа.

– Так рука у вас точно в порядке?

– Да, конечно. Прирастили чисто, как и не отрывалась никогда.

Я демонстративно пошевелил пальцами перед носом у контр-адмирала. Ощущение было такое, будто от плеча до самых ногтей протянуты огненные струны. И неистовый скрипач пилит по ним железным смычком. Оу-у-у!

– Вы хорошо переносите боль, – без энтузиазма констатировал контр-адмирал. – Скажите, Эффендишах, вам не кажется, что лучшее для нас – это ворваться в систему Франгарна и будь что будет?

– Но тогда их флот уничтожит Землю.

– А вдруг нет? Посудите сами, уже двенадцать часов как у них есть такая возможность. Но они ею пока не воспользовались. А мы зато сможем поставить под непосредственную угрозу Эрруак – их материнскую планету.

Вот так логика! Не желая, чтобы Алонсо сейчас закоснел

в своем знаменитом упрямстве, что непременно произойдет, стоит мне только начать отговаривать его от удара по метрополии тойлангов, я осторожно заметил:

– Тойланги и впрямь далеко ушли путем трансгрессии конечно-множественных оппозиций...

– Простите? – переспросил контр-адмирал.

– Я хочу сказать, их методы логического анализа и соответственно принципы выработки решений сильно отличаются от наших.

– Вот видите, значит, у нас есть надежда!

– Может, и есть. Но сколь бы оригинально ни мыслили тойланги в сферах технологии, изящных искусств и социальной философии, их военно-политические решения, как вы знаете, в целом подобны нашим. На любой акт агрессии с нашей стороны тойланги ответят уничтожением Земли. Я считаю, что мы должны добиться переговоров. Пусть выдвинут свои условия. Мне кажется, что не в нашем положении...

Тут меня разобрала злость и я резко закончил:

– Непонятно, зачем я это говорю. Что может значить голос какого-то лейтенанта?

– Перестаньте, Эффендишах. – Глаза адмирала метнули в меня пару берсальерских молний. – Если с ваших шевронов когда-то сорвали дубовые листья, это еще не значит, что вы имеете право быть просто исполнительным лейтенантом бортбезопасности вымпела вспомогательного флота.

– Однако именно им я пробыл последние два года.

– Как вы думаете, Эффендишах, почему я хотел узнать ваше мнение относительно вторжения в систему Франгарна?

Как меня злил этот разговор! О, это можно понять, только если учесть, что я был разжалован из полковников в лейтенанты по инициативе капитана первого ранга Алонсо ар Овьедо де Мицар!

– Не знаю. Я даже не знаю, зачем вам говорить с каким-то увечным лейтенантом. В то время как вы, будучи человеком долга, должны пойти и застрелиться.

Адмирал снял шлем. Вся правая половина головы у него была залеплена искусственной кожей.

– Вы хорошо разбираетесь в древнем оружии. Вы меня поймете. Ствол револьвера разорвало в момент выстрела, пуля не смогла пробить череп. Я покинул медицинский комбайн час назад.

Я был впечатлен, но впечатляться солдату не пристало.

– В следующий раз рекомендую воспользоваться «Гочем». Этот не подведет.

– В следующий раз я так и сделаю, – отчеканил адмирал, снова надевая шлем. – А пока что вернемся от Вечности к животрепещущему нерву мировой истории. Я рад, что вы, как и большинство членов адмиралитета, считаете переговоры лучшим средством решения конфликта. Поэтому вашу кандидатуру на пост чрезвычайного посланца Сверхчеловечества можно считать утвержденной. В качестве офицера охраны в состав дипломатической миссии включен капитан

Джакомо Галеацци. Вашим заместителем назначен полковник Петр-Василий Дурново. Верительные грамоты и прочие штатские документы получите в каюте Бюро-9. Там же будет проведен дополнительный инструктаж. В систему Франгарна вас доставит крейсер «Аль-Тарик». Вылет через два часа. Переговоры начнутся сразу после вашего прибытия. Поэтому советую выспаться здесь, на «Кавуре». Удачи, бригадный генерал Эффендишах.

«Член адмиралитета... Чрезвычайный посланец Сверхчеловечества... Дурново, старый хрен... Джакомо жив???»

Впрочем, все ведь понятно. Все ясно как день. Господа адмиралы наложили в штаны. Может даже, и вправду кто-то застрелился.

Тойланги вышли на связь через нашу орбитальную антенну, показали, что с Землей пока все в порядке, и предложили переговоры. Предложили, разумеется, членам Оперативной Ставки, носителям реальной власти, а не обезумевшему от ужаса Сенату Сверхчеловечества в Дели. Можно считать, что помимо прочих пертурбаций у нас произошел военный переворот.

В подобной ситуации офицеры Бюро-9 на Сандее оказались самыми сообразительными пройдохами в новоявленном правительстве-на-час. И доказали как дважды два четыре, что лучший из лучших – это Искандер Эффендишах, легенда Свинцового Солнца и Кетрарий, обиженный герой десантной операции на Утесе.

Не говоря уже о том, что Искандерчик – единственный активант, который так и не был активирован. И уж совсем бессмысленно сейчас вспоминать о том, что наш Искандерчик побывал в плену и с той поры ходит в подозреваемых. Об Искандерчике в случае успеха посольства можно будет забыть, а в случае провала – торжественно депортировать в Вечность за преступную халатность или сговор с противником.

Поэтому меня восстановили и даже повысили в звании. Поэтому меня назначили посланцем. Поэтому они будут выполнять любые мои прихоти до той поры, пока не спровадят меня на Эрруак.

Мы, бригаденгенералы Бюро-9, переспрашивать не привыкли. И со всякими там контр-адмиралами мы на «ты».

– Спасибо, Алонсо. Можешь идти. Впрочем, нет, обожди. Запиши, а то забудешь: две бутылки «Клико», паштет из местных омаров, ведро красной икры, дюжина рябчиков, две дюжины устриц и шашлык по-карски.

На большее мне фантазии не хватило. Наверное, сказались два года на стандартном боевом рационе.

– Нет, ящик. Ящик «Клико».

3

Владеющий языком владеет реальностью

– ...Также народ Земли доводит до сведения владельцев пространства, что он восхищен искусством вашего высшего военного руководства, навигаторов и пилотов, которые показали, что равных нет и не появится никогда ни в Устойчивых, ни в Мерцающих Мирах...

Насчет «нет и не появится никогда» – большой вопрос, конечно. Но бесспорно то, что нет во всей Вселенной второй цивилизации, которая была бы столь же чувствительна к дипломатическому этикету, как тойланги. И, пожалуй, не было еще в истории Сверхчеловечества такого унижительного посольства, как наше.

Я шевелил губами, повторяя нейросуфлера, бубнившего внутри моей черепной коробки заготовленную речь, ощущал полнейшую экзистенциальную опустошенность и абсолютную бессмысленность нашей миссии, но... Но это было моей работой, сполна оплаченной пьяной оргией, которую я справил на борту «Кавура» каких-то шесть часов назад.

Наконец я покончил со вступлением и, сохраняя трагедийно-возвышенное выражение лица, замолчал. Тойланги, к слову, превосходно разбираются в мимике разумных рас во-

обще и человеческой в частности. Это тем занятнее, что, по моему мнению, у самих тойлангов что-либо даже отдаленно похожее на мимику отсутствует напрочь.

Моими слушателями были трое отнюдь не первых помощников Управителя Пространств Удаленных, то есть, в эквивалентных земным реалиям терминах, заместители или даже, точнее, секретари министра иностранных дел.

Они восседали на рубиновых тронах за стеной из прозрачного пластика, который ограждал «земной» дипломатический сектор от агрессивной атмосферы Эрруака.

Справедливости ради следует отметить, что вблизи тойланги выглядят совсем не так, как их принято показывать в НС-новостях. То есть они *не* похожи на офицеров SS старогерманского Третьего Рейха в масках крокодилов. Потому что в обычной жизни тойланги не носят боевых биомасок, о чем среди наших нюсмахеров принято забывать с восхитительной легкостью.

В родном Управлении Пространств Удаленных тойлангский чиновник носит длинный золотистый халат поверх умопомрачительно синих шароваров, галстук цветов первопричинных стихий и хрустальные очки. Если к этому прибавить треуголку, увенчанную сияющей звездой, вокруг которой вращаются двенадцать крохотных планеток, то станет ясно, с какими милыми созданиями мне довелось общаться в Управлении.

Главный чиновник шевельнул губами.

– Большой художник работает крупными мазками, – сообщил транслятор.

Лично я понимал это и без перевода, но вообще транслятор не был лишним. Стоит чиновнику перейти на стихоречь, и перестану понимать даже я...

Поэты доморощенные... «Премудрости владетелей странства или Энциклика Древностей» – приблизительно так называется настольная книга каждого тойлангского воина, цитатник философских красот, гордость местного шовинизма.

Перл насчет «крупных мазков» помещался в начале раздела седьмого, после максимы «Владеющий языком владеет реальностью», перед непритязательным натурфилософским наблюдением «Бесперая рыба не летает».

У тойлангов превосходно развиты изобразительные искусства и, в частности, масляная живопись. При всей несхожести наших цивилизаций масляные краски и кисти здесь тоже известны издревле. Кисти, правда, изготовлялись тойлангами не из свиной щетины, а из перьев летающих рыб. Тех самых, каковые без таковых не летают. А вот краски были вполне обычными. По химсоставу они недалеко ушли от тех, что наполняли палитры Рогира ван дер Вейдена и Ханса Меммлинга.

Я, а вместе со мной стоящие за моей спиной Петр-Василий и Джакомо восторженно зааплодировали. Ну как красиво сказано, вы подумайте: «Большой художник работает

крупными мазками!» Это надо ж ведь!

Впереди было еще по меньшей мере четыре часа протокольной болтовни. И вся эта попытка – ради эфемерной надежды узнать, что же тойланги намерены делать теперь.

Теперь, когда главные силы вражеского флота повисли на орбите Земли.

Все могло закончиться в любой момент. «Все» – это моя, например, жизнь. И история матушки-Земли заодно.

Потому что не было ни малейших гарантий, что тойлангов заботят жизни полутора миллиардов землян. Возможно – заботят. Возможно – нет. И не было в Метрополии эскадры, способной задержать тойлангов до подхода наших главных сил, которые огромной, бессмысленно скученной армадой болтались в Треугольнике Ле Дюка, между Сандеей и Тарнемом.

Итак, тойлангов сохранение нашей молоденькой разумной расы не интересовало. А Земля как космическое тело их не интересовала и подавно. Потому что из всех пресловутых природных ресурсов на Земле по большому счету была только уйма «легкой» соленой воды и гигатонны кремниевых соединений. Такого добра в галактике – валом.

Выводы: Землю можно было уничтожить, потому что никаких практических выгод для владельцев пространства она не представляла, а оперативные возможности у них имелись, и еще какие. А мое посольство и крейсер «Аль-Тарик» можно было уничтожить просто так. Не вдаваясь в размышления

о смысле сей экзекуции.

К слову сказать, с предыдущим посольством так и случилось.

– Ты что-нибудь понял? – спросил Петр-Василий, когда мы откисали в джакузи.

Каждый в своей, разумеется: Петр-Василий в одной, Джакомо в другой, а я в положенной мне по рангу третьей, большей двух предыдущих, вместе взятых. В моей ванне, между прочим, кроме меня, плавали еще два осетра и метровый тунец. До такой степени похожие на живых, что самого себя я начал ощущать рядом с ними неполноценным кибермехом.

Диковинные вкусы были у предыдущего посла, да благословит Всемилостивый его несовершенную душу.

– Понял, хотя за точность не ручаюсь. Даже транслятор сбоил. Слишком сложная началась смысловая полифония в семнадцатом стихе. И до тридцать пятого она только усиливалась. А вот потом была чистая риторика, это я гарантирую. Общий смысл в том, что решение о судьбах Земли и землян снизойдет на Единое Управление Пространства в День Кометы. А пока что можно отдыхать.

– Не согласен! – Джакомо хлебнул еще шампанского (натурального!), шумно прополоскал зубы и выпустил его на пол пенной струйкой (это натуральное-то!!!). – То, что вы, сир, называете риторикой, и было самым главным! Они хотят, чтобы мы перестали употреблять в пищу рыбу, отказа-

лись от своей нечестивой религии и заучили наизусть «Премудрости владетелей пространства».

– Да нет, ерунда, – махнул рукой Петр-Василий. – Ты слушай Искандера. Когда ты еще девочек полагал дефективными мальчиками, Искандер уже грязюку месил в каком-нибудь героическом болоте. С тяжелым заржавленным пулеметом на плече...

– Лестная характеристика! – фыркнул я. – Слышал, Джакомо? А когда тебе стало ясно, что все не так, что ты – всего лишь дефективная девочка, я уже ого-го! С новым пулеметом, в благоустроенном блокаузе раскладывал перистозубых пришельцев на свет, тепло и нематериальную эссенцию, именуемую душой.

Джакомо запустил в меня бутылкой из-под шампанского. Это было резко. Это было совершенно необъяснимо. Это не было шуткой, ведь литровая емкость из настоящего, толстого бутылочного стекла – предмет убойный. Среагировать я не успел, потому что не был активирован. И очень надеялся, что до этого не дойдет.

Из моей джакузи вырвалась серебристо-синяя тень.

Блеснула ослепительная вспышка. Паф-ф-ф!

Вихрь стеклянной пыли взвился на полпути Джакомо к моему виску. Все, что осталось от бутылки, просыпалось на пол.

Органическое... нет, полуорганическое... нет, кибермеханике... В общем, охранный агрегат, представлявшийся

прежде тунцом, теперь висел в воздухе на том самом месте, где нашла свой конец бутылка из-под шампанского. Агрегат настороженно гудел и пялился на пошедшего зелеными пятнами Джакомо черными жерлами четырех черных стволов.

«Ожидаю приказаний», – постучалось в мою черепную коробку.

– Спокойно. Не стрелять, – ответил я вслух.

От мыслеприказов у меня всегда начинается жуткая мигрень. Поэтому я предпочитаю устную форму общения даже с телепатически управляемыми механизмами.

– Джакомо, ты с ума сошел, да? – спросил я по возможности ласково.

Джакомо молчал и трясся крупной дрожью. Вид у него был нездоровый.

– Кажется, у нас начались неприятности, – мертвым голосом сказал Петр-Василий.

– Что вообще характерно для нашего судьбоносного времени, – согласился я, не сводя глаз с Джакомо.

Через секунду наш берсальер упал в обморок. Вечеринка закончилась.

* * *

Мы засунули Джакомо в медицинский комбайн. Я оставил при нем Петра-Василия, а сам вышел на связь с «Аль-Тариком».

Теоретически канал дипломатической связи защищен от перехвата на сто один процент. Импульсы имеют длительность в одну-две миллисекунды, а шифрование осуществляется четырьмя независимыми алгоритмами, которые превращают текст в плотно упакованную абракадабру; кроме этого – никаких голограмм, никакого стереозвука и психохимии. Из большого бронированного куба вылезает лента, покрытая буквами, – вот и вся картина, достойная Золотого Века.

В том режиме, который я выбрал, лента растворялась в воздухе за три минуты.

Могла бы и за несколько секунд, конечно. Но системы наружного наблюдения сообщали, что вокруг нашего посольства все спокойно. Непосредственной угрозы захвата секретной информации не было и я мог позволить ленте пожить пару лишних минут.

«Аль-Тарик» на связи. Что у вас?» – осведомилась лента.

«Тойланги намерены ждать до Дня Кометы. Больше я не вытянул из них ни слова. Они даже не сказали точно, когда этот проклятый День Кометы наступит. По моим оценкам – в ближайшие пять стандартных суток. Вы можете посчитать точнее?»

«Тайм-аут пять минут», – ответила лента.

Я поднялся из кресла, закурил и прошелся по комнате секретной связи вперед-назад.

День Кометы – это редкий сакральный праздник... м-м-м... не праздник даже... скорее Событие с большой буквы.

Эрруак, родная планета тойлангов, кружится вокруг звезды, которая называется Франгарн. Кроме Эрруака, в планетной системе еще много различных небесных тел. В том числе небольшой объект, который во флотских атласах проходит как Франгарн-164. Эрруак, кстати, в этих же атласах именуется Франгарн-5. Ну что сказать! Космофлотчики – народ суровый, фантазия у них ограниченная. Дай им волю – начнут Землю называть Солнце-3, а Луну – Солнце-31.

Франгарн-164, а на языке тойлангов просто Комета, – небесное тело довольно необычное.

Эрруак имеет период обращения четыре с небольшим земных года, а Комета – приблизительно шестьдесят пять. Удивительно, но факт: если период обращения Эрруака возвести в третью степень, с точностью до восемнадцатого знака получится период обращения Кометы.

Проще говоря, периоды обращений этих двух небесных тел – Кометы и Эрруака – удивительно точно синхронизированы. О причинах этого нашим астрофизикам остается только гадать. Но как бы там ни было, раз в 65 земных лет (и один раз в шестнадцать эрруакских) Комета проходит в нескольких десятках тысяч километров от Эрруака.

Десятки тысяч километров по космическим масштабам – это на расстоянии вытянутой руки по меркам человеческим. Пышная газовая грива Кометы раздувается на солнечном ветру Франгарна и полностью поглощает Эрруак. Прохождение планеты через газовый хвост Франгарна-164 вы-

зывает множество природных феноменов. Ионизация стратосферы резко возрастает, на планете бушуют магнитные бури, ночное небо переливается всеми цветами радуги.

Эта астрофизическая вакханалия, постепенно нарастая, длится примерно две недели. Днем Кометы называется ее апофеоз – стояние Франгарна, Эрруака и собственно кометы почти на одной линии, когда блеск ледяной гостьи достигает максимума. После этого буйство небес идет на убыль и уже через двадцать стандартных суток Комета превращается в обычную яркую звезду.

У Эрруака нет естественных спутников, ночи там – всегда безлунны. Можно себе представить, какое впечатление производили на древних тойлангов редкие, но регулярные визиты космического тела, во много раз превосходящего нашу знаменитую комету Галлея по размерам и светимости.

Неудивительно, что судьбы Сверхчеловечества тойланги собрались вершить именно в День Кометы.

На бронированном ящике станции дипломатической связи замигала красная лампочка. Тайм-аут закончился.

«Двадцать девять стандартных часов», – было написано на ленте.

Итого чуть больше суток до принятия роковых решений... Чуть больше суток!

«Принято. Что Земля?» – отстучал я.

«Тайм-аут полчасика».

Довольно-таки неучтиво. Они что там, на «Аль-Тарике», с ума сошли?

Тайм-аут в Пространстве – не то же самое, что в шахматной партии. Получасовой тайм-аут, который объявляет боевой корабль первого класса во время сеанса связи с посланцем Сверхчеловечества, – это грохот гонга «Все по местам!» и блеск абсолютных отражательных пластин на боках неопознанного объекта длиной в четыре мили, который внезапно выносит нелегкая из-за ближайшей планеты.

Или...

На моей памяти такое случилось один-единственный раз в системе Свинцового Солнца. Флагман нашего десантного соединения ушел со связи, выпалив в эфир открытым текстом истерическое: «Тайм-аут два часа». Но не прошло и полутора, как мы увидели в сумеречных небесах Тоддструффа нарядную сверхновую звездочку: последний привет от флагмана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.